

Город страшной ночи

Category: Kitarcsy

написано kitarcsy | 24 января, 2025

Город страшной ночи ГОРОД СТРАШНОЙ НОЧИ

Удушливая, влажная жара, нависшая над страной, словно мокрая простыня, лишала всякой надежды на сон. Цикады словно помогали жаре, а кричащие шакалы помогали им. Невозможно было спокойно сидеть в темном пустом доме, где раздавалось эхо. Поэтому в десять часов вечера я воткнул посередине сада мою трость и смотрел, в какую сторону она упадет. Она указала как раз на залитую лунным светом дорогу в город Страшной Ночи. Звук падения трости испугал зайца. Он выбежал, хромя, из своей норы и перебежал на старое магометанское кладбище, где лишенные челюстей черепа и круглые берцовые кости, бессердечно обнаженные июльскими дождями, блестели, словно перламутр, на пропитанной дождями земле. Раскаленный воздух и тяжелая земля выгнали наружу, в поисках прохлады, даже мертвецов. Заяц, хромя, продолжал бежать; с любопытством понюхал он осколок закопченного лампового стекла и исчез в тени тамарисковой рощицы.

Хижина ткача циновок у ограды индусского храма была полна спящих людей, казавшихся мертвецами, прикрытыми простынями. Наверху сверкал немигающий глаз луны. Темнота дает, по крайней мере, иллюзию прохлады. Трудно было поверить, что поток света, лившийся сверху, не приносит теплоты. Не так горяч он, как лучи солнца, но все же болезненно тепел и слишком сильно нагревает тяжелый воздух. Прямая, словно полированная стальная полоса, дорога вела к городу Страшной Ночи. По обеим сторонам дороги лежали трупы, расположенные на ложах в самых фантастических позах. Некоторые из них, с подвязанными ртами, были укутаны в белые покрывала; другие обнажены и черны, как черное дерево при ярком освещении; один – серебристо белый и землистый – лежал лицом кверху, с отвисшею челюстью, вдали от других.

«Спящий прокаженный; а остальные – усталые кули, слуги, мелкие

торговцы и возницы с ближайшей биржи. Место действия – главный путь к городу Лагору в жаркую августовскую ночь». Вот все, что было видно; но далеко не все, что можно видеть. Очарование лунного света было повсюду, и мир странно изменился. Длинный ряд обнаженных мертвецов, сбоку которых стояла суровая серебряная статуя, был неприятен для взгляда. Тут были только мужчины. Неужели женщины обречены спать, как попало, под покровом душных глиняных хижин? Печальный стон ребенка, раздавшийся из-под низкой глиняной крыши, ответил на этот вопрос. Там, где дети, должны быть и матери, чтобы присматривать за ними. Дети требуют заботливого ухода в эти душные ночи. Маленькая черная круглая головка выглянула из-за стены и худая – жалко худая – смуглая ножка показалась на желобе крыши. Раздался громкий звон стеклянных браслетов; женская рука на одно мгновение появилась над парапетом, обвилась вокруг худенькой шейки и стащила сопротивлявшегося ребенка под полог постели. Слабый крик на высоких нотах замер в тяжелом воздухе почти тотчас, как родился: даже дети в этой местности слишком чувствуют жару, чтобы плакать.

Еще трупы; еще залитая лунным светом белая дорога; убегающие шакалы; ряд спящих у дороги верблюдов; спящие пони со сбруей на спине; обитые медью деревянные повозки, словно подмигивающие при лунном свете, и снова трупы. Где только есть тень – от поднятой повозки с зерном, от пня дерева, отесанного чурбана, пары бамбуковых стволов, нескольких пригоршней соломы, – всюду земля покрыта ими. Они лежат в пыли, при ярком свете луны; некоторые лицом вниз, со сложенными руками; некоторые с руками, закинутыми за голову; иные – прижав голову к коленям. Хорошо было бы, если бы они храпели; но они не храпят, и сходство с трупами нарушается только одним отличием: худые собаки обнюхивают тела и уходят. То тут, то там крошечный ребенок лежит на ложе отца, покровительственно обнимающего его. Но большей частью дети спят с матерями на крышах домов. Желтокожие парии с белыми зубами не допускаются близко к смуглым телам.

Жгучий, удушливый порыв ветра от врат Дели почти заставил меня изменить намерение войти в город Страшной Ночи в этот час. То

была смесь всяких дурных запахов, животных и растительных, которые днем и ночью накапливаются в обнесенном стенами городе. За городскими стенами, в неподвижных рощах смоковниц и померанцевых деревьев, воздух, по сравнению с городом, кажется прохладным. Да поможет Бог всем больным и малым детям в городе в эту ночь! Высокие стены домов яростно испускают тепло, и из темноты несутся зловонные испарения, могущие отравить буйвола. Но буйволы не обращают на это внимания. Целое стадо их бредет по пустынной главной улице; по временам они останавливаются, прижимаются своими громадными мордами к запертым ставням лавки хлебного торговца и громко пыхтят.

Потом наступает безмолвие – безмолвие, полное ночных шумов большого города. Раздаются еле-еле слышные звуки какого-то струнного инструмента. Высоко над моей головой кто-то открывает окно, и скрип его рамы повторяет эхо пустой улицы. На одной из крыш громко звучит хукка, и под ее звук тихо разговаривают люди. Иду дальше, и разговор доносится более отчетливо. Полоса света виднеется между слегка раздвинутыми ставнями лавки. Внутри ее купец со щетинистой бородой, с усталыми глазами подводит баланс в своих счетных книгах, окруженный тюками ситца. Три укутанных в покрывала фигуры по временам обмениваются с ним замечаниями. Сначала он заносит что-то в книгу, потом делает какое-то замечание; потом проводит ладонью по лбу, с которого струится пот. Жара в застроенной улице страшная. Внутри лавки она должна быть почти невыносимой. Но работа идет непрерывно: запись, гортанная воркотня и постоянный жест руки, проводимой по лбу, повторялись с точностью часового механизма.

Полицейский, без тюрбана, в глубоком сне, лежит на дороге по пути к мечети Вазир-Хана. Полоса лунного света падает на лоб и глаза спящего, но он не двигается. Близка полночь, а жара становится как будто еще сильнее. Открытая площадь перед мечетью полна трупами; приходится выбирать путь, чтобы не наступить на них. Лунный свет падает широкими диагональными полосами на высокий, покрытый эмалью фасад мечети; каждый из голубей, сидящих в нишах и уголках здания, отбрасывает тень. Укутанные в покрывала призраки встают со своих коек и

скрываются в темных глубинах здания. Возможно ли взобраться на верхушку высокого минарета и оттуда посмотреть вниз на город? Во всяком случае, стоит попробовать; может быть, дверь на лестницу открыта. Действительно, она оказалась открытой; но на лестнице лежал погруженный в глубокий сон привратник, подняв лицо к луне. Крыса выскочила из его тюрбана при звуке приближавшихся шагов. Привратник пробурчал что-то, на минуту открыл глаза, повернулся на другой бок и снова уснул. Вся теплота, накопившаяся за десять знойных индийских лет, сохранилась в черных, полированных стенах винтовой лестницы. На половине ее есть что-то живое, теплое, перистое; это что-то храпит. При звуке моих шагов неизвестное существо, прогоняемое со ступени на ступень, вспархивает наверх и оказывается желтоглазым, разгневанным коршуном. Сотни коршунов спали и на других минаретах и на куполах внизу. На этой высоте чувствуется дуновение прохладного или, по крайней мере, менее удушливого ветерка; освеженный, я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на город Страшной Ночи.

Доре мог бы изобразить это на полотне. Золя мог бы описать это зрелище тысяч спящих при лунном свете и в тени! Крыши домов набиты мужчинами, женщинами и детьми; воздух полон неясных шумов. Обитатели города Страшной Ночи беспокойны. Нечего удивляться этому. Чудо, что они могут еще дышать. Если внимательно приглядеться к толпе спящих, то увидишь, что они почти так же беспокойны, как дневная толпа; но шум спящей толпы – заглушенный. Повсюду, при ярком свете луны, можно видеть ворочающихся спящих; они постоянно переносят с места на место свои постели.

Безжалостная луна выставляет все на вид. Освещает равнины за городом, освещает серебряную пену, набегающую на узкую полосу набережной Рави за городом. На кровле дома, почти под минаретом мечети, какой-то бедняга поднялся, чтобы окатить водой из кувшина свое измученное лихорадкой тело; звук падающей воды слабо доносится до слуха. Два-три человека в отдаленных уголках города Страшной Ночи следуют его примеру, и вода сверкает, словно гелиографические сигналы. Небольшое облако проходит по лику луны, и город с его обитателями,

прежде ясно обрисовывавшимися белыми и черными контурами, переходит в массы все более и более густого черного цвета. Беспокойный шум все продолжается – вздох большого города, изнывающего от жары, и людей, напрасно ищущих отдыха. Только женщины низшего класса спят на крышах домов. Какое мучение должно быть в закрытых ставнями зананах, где еще мерцают лампы? Внизу, во дворе, раздаются шаги. Это муэдзин – верный слугитель; но он должен был подняться часом раньше, чтобы напомнить верным о том, что молитва лучше сна – сна, который не хочет сойти на город.

Муэдзин возится одно мгновение с дверью одного из минаретов, потом исчезает, и звук, похожий на рев быка – великолепный, громовой бас, – указывает, что он достиг верхушки минарета. Возглас этот должен донестись до берегов обмелевшей Рави! Во дворе он почти невыносим. Облако проносится, и муэдзин вырисовывается черным силуэтом на небе, с руками, приложенными к ушам; широкая грудь его вздымается от глубокого вдоха: «Аллах хо Акбар»; потом наступает пауза; другой муэдзин, где-то в стороне Золотого Храма, подхватывает призыв: «Аллах хо Акбар». Снова и снова; четыре раза подряд. С дюжину людей уже поднялись со своего ложа. «Я свидетельствую, что нет Бога, кроме Бога», – что это за чудесный крик, это исповедание веры, заставляющее людей десятками подыматься в полночь со своего ложа! Еще раз он громовым голосом произносит ту же фразу, дрожа от силы своего собственного голоса. Потом в воздухе, вблизи и вдали, раздается: «Мохаммет – Пророк Бога». Он словно бросает вызов отдаленному горизонту, где летняя молния играет и сверкает, словно обнаженная сабля. Все муэдзины в городе повторяют возглас; на кровлях домов некоторые из обитателей становятся на колени. Длинная пауза предшествует последнему восклицанию: «Ла ила иль Аллах!» – и безмолвие воцаряется вслед за ним.

Муэдзин, спотыкаясь, спускается по темной лестнице, бормоча что-то. Он проходит под входной аркой и исчезает. Удушливое безмолвие нисходит на город Страшной Ночи. Коршуны на минаретах снова засыпают, храпя еще громче; горячий ветер налетает ленивыми порывами; месяц спускается к горизонту.

Облокотясь на парапет башни, сидишь до зари, смотришь на этот мучимый жарой улей и удивляешься: как живут там люди? О чем они думают? Когда они проснутся? Снова звук воды, выливаемой из кувшинов; слабый скрип деревянных постелей, которые ставят в тень или выносят из тени; нестройная музыка струнных инструментов, смягченная далью и переходящая в печальную жалобу, и тихий грохот отдаленного грома. Во дворе мечети привратник, лежавший на лестнице минарета, когда я входил туда, дико вскакивает во сне, размахивает руками над головой, бормочет что-то и снова падает на свое место. Убаюканный храпом коршунов – они храпят, как чересчур наевшиеся человеческие существа, – я впадаю в беспокойную дремоту, сознавая, что пробило три часа и что в воздухе чувствуется легкая – очень легкая – свежесть. Город теперь совершенно тих, за исключением любовной песни какой-то бродячей собаки. Ничего, кроме мертвого, тяжелого сна.

После этого наступает мрак. Он, кажется, тянется несколько недель. Луна зашла. Даже собаки замолкли. Я дожидаюсь первого луча зари, чтобы направиться домой. Снова звук шаркающих ног. Должен начаться утренний призыв; мое ночное бдение окончилось. «Аллах хо Акбар! Аллах хо Акбар!» На востоке небо становится серого, потом шафранного цвета; предрассветный ветер подымается, словно призванный муэдзином, и, как один человек, город Страшной Ночи подымается и поворачивается лицом к светлеющему дню. С возвращением жизни возвращаются и звуки. Сначала тихий шепот; потом низкое басовое жужжание. Следует помнить, что весь город на кровлях домов. С веками, отягченными от долго откладываемого сна, я спускаюсь с минарета через двор на площадь, где спавшие уже встали, убрали свои постели и ведут утренние разговоры за трубками. Минутная свежесть воздуха уже исчезла и жарко по-прежнему.

– Не будет ли сахиб так добр, не посторонится ли?

Что это? В полусвете люди несут что-то на плечах. Я отступаю. Несут на костер тело женщины. В толпе кто-то говорит:

– Она умерла в полночь от жары.

Итак, этот город не только Город Ночи, но и Город Смерти.

Джозеф Редьярд КИПЛИНГ .

Перевод А. П. Репиной, Е. Н. Нелидовой и В. И. Погодиной .